

Т. А. ПУШКИНА

О ГНЕЗДОВСКОМ ПОСЕЛЕНИИ

Существование в Гнездове поселения одно время ставилось под сомнение, однако исследования на территории селища, открытого еще в 1924 г. А. Н. Лявданским, наряду с раскопками на Центральном городище дали новый материал, позволяющий с уверенностью говорить о существовании поселения, синхронного могильнику¹.

Селище, площадь которого А. Н. Лявданский определял в 16 га, расположено на левом и правом берегах р. Свинец (см. схему). Куль-

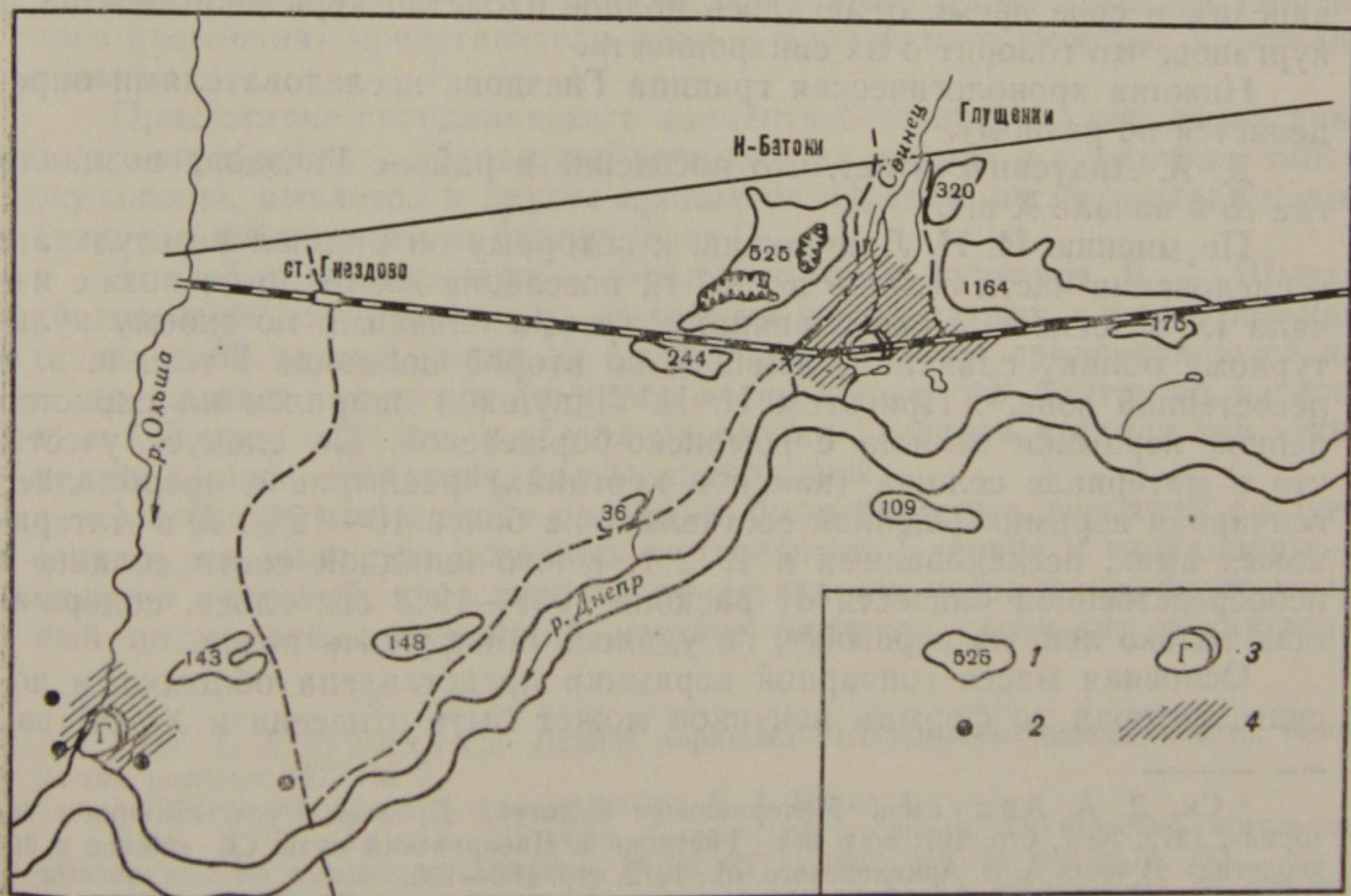

Схема: 1 — группы курганов; 2 — отдельные курганы; 3 — городища;
4 — территория селища

¹ Раскопки на городище А. Н. Лявданского в 1926, 1935 гг., Н. В. Андреева и Милонова в 1940 г., Д. А. Авдусина в 1952—1953 гг.; раскопки на селище Д. А. Авдусина в 1960, 1970—1972 гг., И. И. Ляпушкина в 1967—1968 гг.

турный слой темного цвета, он насыщен обломками лепной и гончарной керамики, различными изделиями из металла и камня.

Окраска слоя неравномерна, она наиболее интенсивна в западной части селища, где на пашне хорошо прослеживаются отдельные темные пятна, содержащие развалы перекаленных камней, угли, куски обожженной глины. Шурфовкой территории селища установлена мощность культурного слоя в 15—60 см (без учета заполнения материковых ям).

Тонкий культурный слой, залегающий вдоль течения р. Свинец к северу от Центрального городища, испорчен различными постройками и ямами располагавшейся здесь ранее усадьбы Филимонова. К северо-западу от городища на правом берегу Свинца слой расположен пятнами, незначителен и поврежден огородами и дворами современной деревни Гнездово. Нужно отметить, что в западной и северо-западной частях селище вплотную подходит к Центральной и Днепровской курганным группам.

Раскопкам подвергалась в основном южная половина территории селища на правом берегу Свинца. Вскрыты многочисленные развалы камней, остатки очагов, материковые ямы, являющиеся частично остатками каких-то сооружений, обнаружены следы наземных построек, видимо, срубной и столбовой конструкции.

Поскольку территория селища распахивается давно, культурный слой в значительной степени перемешан, а керамические остатки фрагментарны. В некоторых случаях окатанные фрагменты керамики были обнаружены на материке. За годы исследования поселения составлена коллекция более чем в 15 тысяч фрагментов. Представлена и лепная и гончарная посуда самых разнообразных форм. Еще А. Н. Лявданским в свое время отмечалось полное сходство керамики селища и курганов, что говорит о их синхронности.

Нижняя хронологическая граница Гнездова исследователями определяется по-разному.

Д. А. Авдусин считает, что поселение в районе Гнездова возникло где-то в начале X в.²

По мнению И. И. Ляпушкина, к которому он пришел в результате исследования части селища в 1967 г., поселение возникло не позже начала IX в., основано оно славянами, весьма близкими по своему культурному облику славянам, жившим во второй половине I тыс. н. э. в лесостепной зоне.³ При этом И. И. Ляпушкин опирался на сходство лепной керамики селища с романско-боршевской. Но следует учесть, что в материале селища (как и в курганах) решительно преобладает гончарная керамика, лепная составляет не более 10—12%. А в материковых ямах, исследованных в 1972 г. в юго-западной части селища в непосредственной близости от раскопа 1967—1968 гг., слоев, содержащих только лепную керамику, не удалось обнаружить вовсе.

Основная масса гончарной керамики представлена обломками посуды, которая по формам венчиков может быть отнесена к X—XI вв.,

² См. Д. А. Авдусин. Материальная культура Древней Руси. «Вопросы истории», 1972, № 7, стр. 107; его же. Гнездово и Днепровский путь. Сб. «Новое в археологии». В честь А. В. Арциховского. М., 1972, стр. 160—165.

³ См. И. И. Ляпушкин. Новое в изучении Гнездова. Сб. «Археологические открытия 1967 г.». М., 1968, стр. 44.

Мнение И. И. Ляпушкина разделяли В. А. Булкин и В. А. Назаренко (см. В. А. Булкин, В. А. Назаренко. О нижней дате Гнездовского могильника. КСИА, вып. 125. М.—Л., 1971, стр. 16). В данной работе авторы опирались на выводы И. И. Ляпушкина о времени появления круглых славянских курганов с трупосожжением в лесной зоне (см. И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, № 152. М.—Л., 1968, стр. 111—116).

часть выходцев из Скандинавии. Здесь, конечно, незамедлительно встает вопрос о времени появления и путях тех и других в районе Смоленского Поднепровья. Но это отдельный специальный вопрос, заслуживающий особого рассмотрения. В данном случае позволим себе заметить, что появление длинных курганов и гибель балтских городищ Е. А. Шмидт относит к VIII—IX вв.⁹, связывая это с притоком населения с юго-запада, в IX в. появляются отдельные скандинавские вещи в верховьях Западной Двины, в районе же Гнездова их основная масса относится ко второй половине X в.¹⁰

Подтверждение разноэтничности населения Гнездова дал материал из культурного слоя: бронзовые трапециевидные подвески, амулеты молоточки Тора, семилучевые височные кольца, пластинчатое височное кольцо, разнообразные фибулы, некоторые типы лепной и гончарной керамики. Возникнув на рубеже IX—X вв., поселение до середины X в. едва ли было многочисленным. С середины же X в. интенсивность жизни в Гнездове максимально увеличивается, что связано со становлением торгового пути и волока Днепр—Западная Двина¹¹. До этого времени население было сосредоточено, видимо, на территории Центрального городища, где в нижних слоях лепная керамика составляет до 85% (заполнение ям), тогда как на уровне наземной постройки, исследованной в юго-западной части городища, содержание ее определяется в 40—38%.

Обратившись к вопросу о становлении пути Днепр—Западная Двина, мы сталкиваемся с такими фактами, относящимися ко второй половине X в.¹²: поступление в Восточную Прибалтику византийской монеты, сосредоточение по течению Западной Двины шиферных пряслиц, начало быстрого развития Полоцка как ремесленного и торгового центра¹³.

Как свидетельствует летопись, в 863 г. Аскольд и Дир, следуя из Новгорода в Киев, идут по Днепру вниз мимо Смоленска и видят «град велик и мног людьми»¹⁴. Позже, в 881 г. Олег, двигаясь тем же путем, приходит к Смоленску и «сташа выше града»¹⁵. Вероятно, это говорит об использовании пути через р. Вопь, а не через Касплинскую систему.

Все это также может косвенно свидетельствовать об освоении и становлении пути Днепр—Западная Двина где-то в середине X в. Хотя, конечно, нельзя не считаться с тем, что приведенные выше сведения содержатся в позднем источнике.

Характер находок позволяет рассматривать поселение в Гнездове как ремесленно-торговое. Мысль не нова, она была высказана еще В. И. Сизовым, пришедшим к такому заключению на основании анализа курганного материала.

⁹ См. Е. А. Шмидт. Археологические памятники периода возникновения города Смоленска. «Смоленск. К 1100-летию со дня упоминания города в летописи». Смоленск, 1967, стр. 51—52.

¹⁰ См. В. С. Дедюхина. Фибулы скандинавского типа. «Труды Государственного Исторического музея», вып. 43. М., 1967, стр. 194—206, таблица.

¹¹ См. Д. А. Авдусин. Материальная культура..., стр. 107; его же. Гнездово и Днепровский путь, стр. 160—163.

¹² См. Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 29.

¹³ См. Г. В. Штыхов. Происхождение и материальная культура древнерусских городов Белоруссии—Полоцка и Витебска (IX—XIII вв.). «Międzynarodowy kongres archeologii słowianskiej. Warszawa, 1965». Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, s. 410.

¹⁴ «Устюжский летописный свод». М.—Л., 1950, стр. 20.

¹⁵ Там же, стр. 21.

Находки при раскопках на селище и городище обломков и целых тиглей, льячек, бракованных или незаконченных бронзовых отливок, литейных форм, бронзовых слитков, проволоки говорят о существовании на поселении ювелирного бронзолитейного дела.

Многочисленные шлаки свидетельствуют о кузнечном ремесле, правда, нет пока доказательств развития металлургического производства.

В культурном слое селища и городища найдено более 30 византийских монет и дирхемов, большинство монет относится к X в. Общеизвестны пять богатых денежно-вещевых кладов, относящихся ко второй половине X и рубежу X—XI вв.¹⁶

Интересна одна небольшая деталь: в восточной части селища, на левом берегу Свинца, находки обломков тиглей и шлаков чрезвычайно малочисленны по сравнению с западной частью, но именно здесь к востоку от городища, сосредоточено наибольшее число находок дирхемов, а в архиве А. А. Спицына есть указание, что где-то на этой территории был найден один из Гнездовских кладов¹⁷. Приведенные факты наталкивают на мысль, что характер восточной и западной частей селища, окружающего Центральное городище, не совсем одинаков. Может быть, ремесленные мастерские были сосредоточены в западной части поселения. Хотя пока это не более чем предположение.

Находки в курганах поливной иранской керамики, бронзового восточного светильника, серебряных ювелирных изделий наряду с дирхемами указывают на связь с Востоком, может быть, через Болгары. О контактах с западнославянским миром свидетельствуют не только некоторые формы гончарной керамики, что скорее говорит о присутствии какого-то западнославянского элемента среди населения Гнездова, но и ряд вещевых находок: височное серебряное кольцо моравского типа, боевой топорик-чекан, имеющий прямые аналогии в древностях Моравии и Польши¹⁸.

Южные связи Гнездова документируются находками византийских монет, обломками византийской поливной керамики, золотого плетения, корчаги, бронзового энколпиона¹⁹.

С северо-запада попадали, вероятно, мечи, а вместе с ними некоторые типы наконечников ножен, игральные стеклянные шашки, янтарные бусы и ряд других вещей. Некоторые типы скандинавских фибул, железные гривны с молоточком Тора не следует относить к предметам импорта, так как они связаны с особенностями костюма жителей Скандинавии и с их религиозными представлениями. В орнаменте, украшающем овалы фибулы, отражены мотивы скандинавской языческой религии, а подвески-молоточки являются символом совершенно определенного божества — метателя молота Тора, поэтому маловероятно, что их могли покупать представители других этнических групп, поклонявшихся своим богам.

Ряд вещей скандинавского облика, но не имеющих прямых аналогий на севере Европы, несет на себе явные следы переосмысления

¹⁶ См. Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, стр. 87—88.

¹⁷ Архив ЛОИА АН СССР, ф. 5, № 401, л. 431.

¹⁸ J. Poulik. Staroslovanska Morava. Praha, 1948, рис. 1, 2; W. Sarnowska. Topory wcześniešrednio wiecze z obszaru Slaske. «Swiatowit», t. 24. Warszawa, 1962, рис. 8.

¹⁹ Н. Н. Усачевым ошибочно к византийским отнесены некоторые вещи несомненно северного происхождения (см. Н. Н. Усачев. О внешней торговле Смоленска в IX—XIV вв. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 7. Смоленск, 1970, стр. 297).

северного орнамента и формы предмета и позволяет предположить их местное производство, может быть, скандинавами второго поколения.

Расположение Гнездовского комплекса на важном водном пути должно было определить не только основное занятие его населения, но и сезонный характер самого поселения. Система волоков, вероятно, наиболее интенсивно функционировала в период «высокой» воды, т. е. в основном весной и осенью. В это время численность населения в Гнездове, видимо, увеличивалась не только за счет воинов или купцов, проходящих по днепровскому пути, но и благодаря притоку людей ремесла. Именно в это время Гнездово могло быть торжищем и наиболее посещаемым местом, где расположено святилище. Часть населения Гнездова, вероятно, занималась ремеслом именно в периоды повышенной интенсивности жизни на поселении, т. е. ремесло носило в какой-то степени сезонный характер.

Расположение на торговом пути, сезонный, ремесленно-торговый характер, разноэтничность населения, отсутствие оборонительных сооружений и обширный могильник — черты, сближающие Гнездово в какой-то степени с некоторыми торгово-ремесленными центрами Северной и Западной Европы VIII — начала XI в. (такими, как Хедебю, Бирка, Дорестади и т. д.).

Наиболее интенсивная жизнь в Гнездове наблюдается во второй половине X — начале XI в., что подтверждается датировкой основной массы находок и немногочисленностью погребений, совершенных в XI в.

Весьма небольшая группа керамики, относимой к XII—XIII вв., находки стеклянных браслетов, овальных кресел, прикладной печати позволяют предположить, что жизнь здесь продолжается до конца XIII в.

Но малочисленность этих находок говорит о том, что население Гнездова в это время уже невелико и косвенно указывает на затухание деятельности в поселении, что могло быть вызвано несколькими причинами. Это, вероятно, произошло не только из-за затухания пути Днепр — Западная Двина и оживлении движения по р. Вопь²⁰, но и с ростом и развитием Смоленска.

Вопрос о взаимосвязи Гнездова и Смоленска является частью вопроса о возникновении древнерусского города. В целом ряде работ историков и археологов производится сопоставление городищ и древнерусских городов: Гнездово — Смоленск, Сарское — Ростов, Камно — Псков, Шестовицы — Седнев — Чернигов, Рюриково — Новгород и т. д.

С. А. Тараканова считала городища Псков, Гнездово, Сарское племенными городами, в которых торговая деятельность не играла решающего значения. С течением времени, по ее мнению, эти центры переносились на другое более удобное место²¹.

Е. И. Горюнова, рассматривая происхождение городов на северо-востоке, намечает три возможных варианта: развитие на основе нескольких близко расположенных ремесленных поселков; появление богатого ремесленного центра, «эмбриона города» и перенесение его затем на более удобное, уже обжитое место; создание опорного укрепленного пункта на месте более древнего поселения (по воле князя)²².

В. Л. Янин и М. Х. Алешковский определяют развитие древнерусского города не из княжеских замков или торгово-ремесленных поселений, а

²⁰ См. Д. А. Авдусин. Гнездово и Днепровский путь, стр. 166.

²¹ См. С. А. Тараканова. О происхождении и времени возникновения Пскова. КСИИМК, вып. 35. М.—Л., 1950, стр. 23.

²² См. Е. И. Горюнова. К истории городов северо-восточной Руси. КСИИМК, вып. 59. М.—Л., 1955, стр. 11—21.

из административных вечевых центров сельских округ-погостов, мест концентрации дани и ее сборщиков. При этом они считают Гнездово предшественником Смоленска в роли административно-политического центра большой округи²³.

Летопись упоминает Смоленск в числе древнейших русских городов еще в IX в., но никаких археологических свидетельств тому нет. Другое летописное упоминание относится к 1015 г., когда князь Глеб пришел к Смоленску и встал ниже его на Смядыни.

Археологическими работами в Смоленске обнаружены слои середины XI в. — наиболее ранние, достоверно определяемые. Известны находки керамики, относимой к X—XI вв.²⁴, правда, немногочисленной, бус «лимонок», отдельных предметов византийского импорта, которые являются как бы «эхом» культурного слоя X в.

В данном случае речь идет не о характере поселения на территории нынешнего Смоленска, обнаружить которое чрезвычайно трудно из-за современной застройки города и перекопанности слоев, а вообще о факте его существования.

Вероятно, в конце X—начале XI в. поселения в Гнездове и Смоленске сосуществуют, а затем расположенное на более удобном высоком левом берегу поселение, связанное с путями по рекам Вопь, Волге и Десне и, может быть, бывшее до этого небольшим административным центром, постепенно превозобладает над своим соседом и жизнь в Гнездове затухает.

Представлена кафедрой археологии
26 февраля 1973 г.

---

²³ См. В. Л. Янин, М. Х. Алешковский. Происхождение Новгорода. «История СССР», 1971, № 2, стр. 61.

²⁴ См. И. М. Хозеров. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. КСИИМК, вып. XI. М.—Л., 1945, стр. 24—25; Фонды Смоленского областного краеведческого музея, раскопки Д. А. Авдусина на ул. Соболева в 1957 г.
